

Старая графиня в исполнении молодой Илзе Лиепы. Сцена из балета «Пиковая дама». Фото Надежды Баусовой

Творческий пик для дамы пик

Илзе Лиэпа танцевала в честь отца

Майя Крылова

Прошедший год для Илзе Лиепы был особенным: на солистку Большого театра общественное признание сыпалось как из рога изобилия. Она получила звание народной артистки России. За партию Старой графини в балете «Пиковая дама» номинирована на премию национального театрального фестиваля «Золотая маска». За эту же роль (вместе со всем балетом) выдвинута на Государственную премию. В таких обстоятельствах для Андриса Лиэпы сделать творческий вечер на сцене филиала ГАБТа – означает лишь воздать должное любимой сестре. И отцу, Марису Лиэпе, чей портрет появлялся на сценическом заднике по ходу программы.

Вечер под названием «Жизнь без слов» в филиале Большого театра строился, как всегда строятся подобные вечера: россыпь балетных отрывков и концертных номеров, в которых танцы бенефициантки чередуются с выходами коллег. Красное (?) покрытие, на котором выступали танцовщики, вносило то ли тревожную, то ли революционную ноту в любую хореографию, будь то любовная сцена у балкона из балета «Ромео и Джульетта» или современный дуэт про рококо на музыку Моцарта. Эротические красавицы с потолка, написанные по эскизам Бакста, взирали на то, что осталось от того же художника в сцене из балета «Шехеразада». Многоликая же героиня торжества сменяла восточный черный парик в роли страстной красы гарема на золотые европейские бубли, а серебряные шальвары – на белое платье в страстном дуэте из балета «Госпожа Бовари». В финале первого действия Илзе выплыла на сцену Умирающим лебедем, в начале третьего предстала подружкой брутального аргентинского мачо в танцевидеоклипе, снятом Федором Бондарчуком, а в конце программы, переодевшись французской бомжихой-клошаром, лихо сплясала шоу-балетик «Город без слов».

Творческий пик вечера пришелся на большой фрагмент из упомянутой «Пиковой дамы», которая на самом деле дала Илзе возможность предстать одной из самых интересных балетных актрис прошлого театрального сезона. Рядом с неистовым Германном-Николаем Цискаридзе (возводившим уже в третью степень двойную патетику му-

зыка Чайковского и мелодраматической хореографии Ролана Пети) необычайно уместно, как лед на разгоряченном лбу, смотрелась особая эмоциональность Лиэпы – внешне сдержанная, но экзистенциально глубокая.

Тот же Цискаридзе предстал иным в другом репертуаре: он гибко любовался собой, как и положено персонажу по имени Нарцисс в одноименной балетной миниатюре. Любимец многих балетоманов стал вторым (после Илзе Лиэпа), кто снискал крупные аплодисменты публики. Третьим был Геннадий Янин из Большого театра: сатирической вариацией чеховского героя Модеста Алексеевича из балета «Анюта» он сначала внес толику здоровой иронии в обильный пафос творческого вечера, а потом стильно станцевал парижанина в шоу-балете. Четвертой любимицей стала совсем молодая Полина Семионова, бывшая москвичка, ныне солистка Берлинской Штаатсопер, из-под самого носа Большого театра приглашенная в Германию после окончания столичной хореографической школы. У нее много достоинств: манера и стать настоящей балерины, музыкальность, изящный маньеризм линий длинных рук и ног. Жаль, что Москва ее упустила: Большому театру очень пригодилась бы новая талантливая Одетта-Одиллия. Но именно в том репертуаре, который Полина танцевала на концерте (паде-де Баланчина), были особенно заметны ее невыворотные ноги и вялые стопы – стандартный недостаток недоученных московских выпускниц. Все пружинистые вскоки на пальцы, богатая игра отчетливыми пуантами, которая так важна у Баланчина, у Семионовой превратились в смазанное нечто.

...Плюсы и минусы балетного вечера обозревателю «НГ» удалось разглядеть лишь благодаря привычке, наработанной годами посещения театров, когда спектакли приходилось смотреть по-всякому: и вися на люстре, и выглядывая из-за частогокола зрительских спин. Спасти с пятого места в третьем ряду бельэтажа удалось так же, как и другим зрителям, товарищам по несчастью, – пересев ближе к центру, благо было куда. Большое спасибо архитекторам, спроектировавшим новый театр. По крайней мере на двадцать пять – тридцать боковых кресел (с каждой стороны ярусов) нельзя продавать билеты иначе, как с пометкой «место неудобное». Оттуда не видно половину сцены.